

Апокалипсис как образ жизни¹

ŽIŽEK S. (2020A). *PANDEMIC! COVID-19 SHAKES THE WORLD*. LONDON, NEW YORK: OR BOOKS.

ŽIŽEK S. (2020B). *PANDEMIC! 2. CHRONICLES OF A TIME LOST*. LONDON, NEW YORK: OR BOOKS.

ŽIŽEK S. (2021). *HEAVEN IN DISORDER*. LONDON, NEW YORK: OR BOOKS.

Максим Фетисов

Кандидат философских наук, научный сотрудник Центр фундаментальной социологии

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики

Адрес: Мясницкая, 20, Москва, Российская Федерация, 101000

E-mail: msfetisov@gmail.com

Пандемии, уходящей от нас (так кажется, но за прошедшие почти уже три года мы успели убедиться в изрядной бессмысленности многих прогнозов) в обстоятельствах уже более суровых, чем она сама, не только удалось на два года погрузить значительную часть мира в панику и депрессию. Еще одним ее вполне предсказуемым последствием стало появление достаточно большого числа текстов, пытающихся освоить этот очень смутный, очень неопределенный, находящийся где-то на стыке микробиологии, биомедицины, политики общественного здравоохранения и статистики, но при этом вполне наглядно данный и более чем осязаемый в нашей повседневной жизни предмет.

Не нуждающемуся в особом представлении Славою Жижеку удалось выпустить сразу три объединенные сквозной COVID-темой книги. Возможно, кому-то они покажутся не самыми значительными с точки зрения объема или содержания, однако такой продуктивности за два неполных года остается только позавидовать и констатировать тот факт, что чрезвычайные обстоятельства действительно могут выступить в роли творческой принудительной силы. Раньше мы об этом где-то слышали или читали, а теперь смогли убедиться в режиме почти что реального времени.

Надо сказать, что, несмотря на заявленное тематическое единство, все три книги представляют собой достаточно пестрое и разрозненное собрание высказываний словенского философа, сделанных им за время пандемии. Поэтому мы видим там не только вирус, но и набор тем, кажущихся зачастую не очень с ним связанными, но, по мнению автора, имеющих к нему отношение. Именно так туда попадают ВЛМ-бунты, протесты в Белоруссии или же перевыборы Трампа. Это отличает Жижека от другой философской знаменитости, итальянца Джорджо Агамбена, у того в пандемию вышла всего одна маленькая книжка, ставшая тем

1. Публикация подготовлена в рамках исследовательского проекта «Новые социальные общности глобального мира: аффекты и культурная легитимация различий», реализуемого Центром фундаментальной социологии НИУ ВШЭ в 2022 году в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

не менее настоящим *J'Accuse* в адрес установленного властями Италии, но, конечно, и не только ее, биосанитарного режима². Мрачный диагноз, поставленный Агамбеном, вызвал шквал критики. Его обвиняли в непонимании опасности нового инфекционного агента (что отчасти правильно, но окончательных оценок нет до сих), в конспирологии (при первом взгляде со стороны можно действительно подумать, что все так и есть, но на самом деле итальянский философ пишет об этом уже много лет подряд, а сейчас он просто сместил акценты).

Жижек на этом фоне выглядит иначе. Он не разделяет скепсиса своего итальянского коллеги по поводу серьезности нового заболевания. Если довольно грубо приложить к собственным рассуждениям словенца его любимую, придуманную еще Лаканом, классическую триаду Реального, Воображаемого и Символического, то инфекция есть несомненное столкновение с Реальным, полностью нарушающее привычный ход вещей. При этом само Реальное непосредственно не дано, оно полностью находится за пределами каких-либо познавательных возможностей субъекта. То есть, его нет, однако оно регулярно дает о себе знать своими травматическими эффектами, как это и происходит в случае, например, эпидемии.

И действительно, вирус — непонятный фрагмент нуклеиновой кислоты, находящийся в «серой зоне» между живым и мертвым: «Это колебание между жизнью и смертью имеет решающее значение: вирусы ни живы, ни мертвы в обычном понимании этих слов, это своего рода живые мертвецы. Вирус жив в своем стремлении к репликации, но это своего рода жизнь нулевого уровня, биологическая карикатура не столько на влечение к смерти, сколько на жизнь на ее самом простейшем уровне повторения и умножения. Однако это и не элементарная форма жизни, из которой развивается более сложная; это чистый паразит, воспроизводящий себя путем заражения более развитых организмов (когда вирус заражает нас, людей, мы просто служим ему копировальным аппаратом). Именно в этом совпадении противоположностей — элементарного и паразитического — кроется тайна вирусов: они представляют собой пример того, что Шеллинг называл “*der nie aufhebbare Rest*”: остаток наинижайшей формы жизни. Он возникает как продукт сбоя в работе высших механизмов размножения и продолжает преследовать (заражать) их, это остаток, который никогда не может быть реинтегрирован как подчиненный момент жизни более высокого уровня» (Zizek, 2020a: 78-79). Таким образом, перед нами некая зависшая между живым и мертвым «нулевая степень», неустранимый остаток-паразит, он выключен даже из обычной биологической жизни, однако, заражая ее, он тем не менее принимает в ней участие, функционируя как фактор эволюционного отбора. Как единичная сущность он доступен лишь микробиологии с ее специальными средствами, переходя же на уровень эпидемии, он превращается в гигантский распределенный объект и здесь становится предметом использующей математические методы и символы статистики, а также мобилизационных возможностей общественного здравоохранения. Прин-

2. Agamben G. (2020). *A che punto siamo? L'epidemia come politica*. Roma: Quodlibet.

ципиально важно в случае с вирусами то, что мы практически всегда имеем дело с их последствиями, сам же эпидемический процесс остается «вещью в себе», постоянно опровергающей догадки и предсказания экспертов, что последняя пандемия достаточно наглядно продемонстрировала.

Реальное, таким образом, непостижимо, однако столкновение с ним переживается как травматическое событие. За работу с травмой отвечает Воображаемое, именно ему предстоит «отыгрывать» ее эффекты, адаптируя и производя тот мир смыслов и значений, где нам всем приходится жить. Это «отыгрывание» не может происходить без опоры на определенную «грамматику», задающую его правила. За эти правила в триаде отвечает Символическое, именно оно устанавливает порядок работы Воображаемого, структурируя его и снабжая семантическими ресурсами.

Продолжая ту же аналогию, можно сказать, что первая часть трилогии посвящена «вторжению Реального». Поскольку, как мы помним, доступ к нему отсутствует, и речь может идти лишь о попытке совладать с последствиями его вторжения. Здесь не стоит ждать от автора развития последовательной аргументации — Жижек постоянно приводит разнородные примеры, от хорошо знакомых и уже набивших оскомину до совсем свежих, из актуальной повестки, стараясь задействовать максимально возможное число объяснительных моделей и метафор: от пресловутых пяти стадий Элизабет Кюблер-Росс до гегелевской диалектики.

Последовательность выхода в свет книг трилогии как бы следует за динамикой пандемии — эта примечательная особенность дает возможность восстановить в памяти цепочку известных событий, которую Жижек (зачастую произвольно) воспроизводит в своих коротких заметках. Неожиданное начало пандемии, события на севере Италии, отсутствие какой-либо внятной квалифицированной информации о новом инфекционном агенте, паника в СМИ и социальных медиа, разгоняющих самые чудовищные мнения экспертов, возможно, что-то понимающих в математике и статистике либо в микробиологии, но в эпидемиологии — точно ничего. В отличие от Агамбена, словенец не драматизирует суровые карантинные меры европейских правительств, иногда даже склоняясь к их принятию. Там, где первый видит окончательное торжество биополитической чрезвычайщины, разрушающей саму ткань человеческой жизни, Жижек хочет найти новые возможности. Комментируя знаменитую гегелевскую цитату из «Йенской реальной философии» о том, что «человек есть эта ночь, это пустое ничто, которое содержит все в своей простоте», он добавляет: «Этого не сможет у нас отнять никакой коронавирус. Так что можно надеяться, что телесное дистанцирование даже усилит интенсивность нашей связи с другими. Ведь именно теперь, когда я вынужден избегать многих из тех, кто мне близок, я полностью ощущаю их присутствие, их важность для меня» (Zizek, 2020a: 3).

Этого, однако, мало. Главная, повторяемая на разные лады мысль книги — надежда на то, что пандемия явочным порядком приведет к изменению существующего в глобальном масштабе либерально-капиталистического порядка. И понятно, что

речь должна идти не только лишь о возвращении к норме (популярное в тот момент рассуждение): «Основная надежда состоит в том, что после пика, который должен наступить быстро, все вернется к норме... Все дело в том, что даже если жизнь вернется в конце концов к некоему подобию нормальности, это будет не то нормальное, к которому привыкли до того, как разразилась эпидемия. Вещи, ставшие привычными нам как часть нашей повседневной жизни, больше не будут само собой разумеющимися, нам придется научиться жить намного более хрупкой жизнью с постоянными угрозами. Нам придется полностью изменить наше отношение к жизни, к нашему существованию среди других форм жизни» (Zizek, 2020a: 77-78). Жижек надеется, что эта «новая норма» даст жизнь новой, «основанной на вере в людей и науку» общности, которую он именует ни больше ни меньше «коммунизмом». Социетальный ответ на глобальную угрозу должен выглядеть только так: «Необходимы полная безусловная солидарность и глобально скоординированный ответ, новая форма того, что некогда называлось коммунизмом. Если мы не направим наши усилия в эту сторону, то сегодняшний Ухань запросто станет типичным городом нашего будущего» (Zizek, 2020a: 56). Эта новая общественная форма не очень похожа на коммунизм Маркса или на коммунизм некоторых современных теоретиков радикальной демократии: «Это не утопическое коммунистическое видение, это коммунизм, установленный потребностями простого выживания. Это, к сожалению, версия того, что называлось “военным коммунизмом” в Советском Союзе в 1918 году» (Zizek, 2020a: 92). Признаки наступления этого так называемого «катастрофического коммунизма» Жижек уже видит в отдельных попытках западных правительств реализовать деприватизационные меры в ключевых отраслях социальной сферы и экономики (в здравоохранении, транспорте, производстве ключевых товаров и т. п.), а также в массовой раздаче «вертолетных денег»: «Именно здесь возникает мое понятие “Коммунизма”, не в качестве неясной мечты, но просто как имя для того, что уже происходит (или, по крайней мере, воспринимается многими как необходимость), меры, которые уже рассматриваются и даже частично применяются. Это образ не какого-то блестящего будущего, но скорее “катастрофического Коммунизма” в качестве противоядия от катастрофического капитализма» (Zizek, 2020a: 103). Именно на последнем, по мысли словенского философа, лежит ответственность за пандемию, которая стала возможна в результате передачи важнейших, отвечающих за функционирование сообществ, областей жизни, таких как общественное здравоохранение, во власть императивов «свободного рынка»: «Далее очевидны две вещи. Институциональной здравоохранительной системе придется опереться на помощь локальных сообществ в деле ухода за слабыми и пожилыми. На противоположном конце шкалы необходимо организовать что-то вроде международного сотрудничества, чтобы производить и распределять ресурсы. Если государства просто изолируются, то разразятся войны. Именно эти процессы я имею в виду, когда говорю о “коммунизме”, и я не вижу ему никакой альтернативы, кроме нового варварства», — завершает Жижек, перефразируя известные слова Розы Люксембург (Zizek, 2020a: 104).

Возможность такого развития событий представляет собой большой вопрос. Во всяком случае, действия правительств во время пандемийного кризиса (эгоистическая борьба за ресурсы, «вакцинный национализм» и т. п.) не продемонстрировали большого желания пойти по такому пути. Напротив, именно «катастрофический капитализм», подкрепленный санитарно-полицейской чрезвычайщиной (которой так боится Агамбен) в сочетании с последними достижениями надзорной «цифровизации», постарался развернуться максимально широко. Именно на это указывали и продолжают указывать критики Жижека, и ничто пока не говорит о том, что они могут сильно ошибаться. В отсутствие сил и интересов, готовых принять «катастрофический коммунизм», остается лишь индивидуальное (самоизолированное) переживание повседневного апокалипсиса, оставляющего выбор между параноидальным страхом и бравадой показного игнорирования невидимой опасности. Здесь у словенца не остается иного выбора, кроме как прибегнуть к рецепту, предложенному еще Лаканом: «Старайтесь отождествиться со своим симптомом, без всякого стыда, это означает (несколько упрощая) полное принятие всех малых ритуалов, формул, странностей и так далее, всего, что поможет стабилизировать вашу повседневную жизнь. Допускается все, что может здесь сработать, если это помогает избежать нервного срыва, даже фетишистского отрицания... Не думайте слишком много наперед, просто сосредоточьтесь на сегодняшнем дне, на том, что будете делать, прежде чем отправиться ко сну» (Zizek, 2020a: 112). Поскольку вся повседневная жизнь субъекта (если следовать Лакану) — это и есть один сплошной симптом, то имеет смысл перейти к Воображаемому, той области, где разворачивается львиная (правда, не всегда главная) доля происходящих с ним событий.

Во второй части трилогии, в «Пандемии-2», Жижека занимает уже не столько она сама (хотя время от времени он скатывается до малоосмысленного подсчета очередных «волн» или аналогичных рассуждений об эффективности грядущей вакцинации), сколько ее многообразные последствия для общества и политики, давшие о себе знать вскоре после того, как прошел первый ужас от столкновения с Реальным. Сам COVID здесь уже отходит на второй план, уступая дорогу своим прямым и косвенным эффектам. Неурожаи и голод: всадники Апокалипсиса не ездят поодиночке, поэтому требуются международные скоординированные усилия, а не волонтерский порыв, пусть и надежды на них мало, но наступили такие времена, когда и философу приходится писать о битве за урожай (Zizek, 2020b: 3-4). Неудержимое наступление надзорного капитализма, чьим финальным пунктом должно стать создание прямого интерфейса «мозг-машина» (об этом написана одна из предыдущих книг Жижека «Гегель в подключенном мозге»). Данное событие будет означать фактическое наступление точки сингулярности. Сколь сомнительным бы это пока все ни выглядело, хоть с научной, хоть с философской точки зрения, это будет апокалипсис почище любой пандемии, все же напоминающей нам о том, что мы по-прежнему остаемся частью природы. Сингулярность же станет апокалиптическим событием уже нового,

постчеловеческого уровня (Zizek, 2020b: 13-14). Массовые беспорядки и акции гражданского неповиновения как результат дезинтеграции установленного санитарно-полицейского режима (Zizek, 2020b: 33-34) — Жижек удивляется тому, что позиции левых и правых, участвующих в них, часто совпадают, хотя лучше поставить вопрос о том, насколько вообще это разделение применимо по отношению к подобным событиям; массовые психические расстройства, как следствие пандемийного распада публичной жизни, и даже события лета-осени 2020 года в Белоруссии (впрочем, здесь взгляд Жижека представляет исключительно исторический интерес для любопытствующих). Куда больше внимания словенский философ уделяет разгорающимся новым конфликтам и новому насилию (в том числе культурно-идеологическому), связанному с войнами идентичности и кризисом последней волны политического популизма. Судя по всему, время написания многих вошедших в книгу текстов совпадает с разворачивающейся в США президентской кампанией 2020 года, которую сопровождают волны BLM-протестов и «война с памятниками». По мнению Жижека, это новое политически корректное насилие, стремящееся к ликвидации малейших следов расизма и сексизма, является тупиковым и не ведет к появлению никаких новых форм солидарности просто потому, что не отдает себе отчета в собственных основаниях. Здесь Жижек напоминает получившего образование еще при «старом режиме» пожилого революционера, пытающегося объяснить толпе хунвейбинов, что без отменяемых ими условных Декарта и Джефферсона с их сексизмом и рабовладением никакого феминизма и антирасизма просто не существовало бы, и поэтому надо не упиваться виной и жертвенностью, а вести себя как «ответственные совершеннолетние люди» (Zizek, 2020b: 37-39). Здесь просится хрестоматийная цитата из Канта, но, видимо, автор решает, что просвещенческих увещаний и так уже было произнесено им достаточно.

Водоворот событий и новые вспышки пандемии заставляют Жижека иногда все же надеяться на глобальную координацию усилий, однако, цитируя Брехта, он честно признает, что это «das Einfache, das schwer zu machen ist» («То простое, что так сложно исполнить»). Ни глобальная капиталистическая экономика, ни политики-популисты, заходящиеся в психотическом неприятии того, что вирус представляет собой нечто Реальное, а потому опасное, не способны победить пандемию, поэтому словенцу остается только уповать на апокалиптический Kairos, момент времени, сочетающий в себе событие решения и эсхатологического обещания, событие, маркирующее собой появление в мире чего-то нового, разрушающего основания прежнего порядка, «катастрофа, которая заставит нас найти новое начало» (Zizek, 2020b: 116). Требуются новые основания для «жизни вместе», правда, нет ясности относительно того, какими они могут быть, возможно, какое-то замедление, чтобы понять происходящее: «Если мы не изобретем новый способ общественной жизни, наше положение станет хуже не чуть-чуть, а намного хуже. Опять, мое предположение состоит в том, что пандемия COVID-19 обещает новую эпоху, когда нам придется переосмыслить все, в том числе и основной

смысл того, что значит быть человеком, — наши действия должны будут следовать за нашими мыслями. Возможно, сегодня нам стоит перевернуть одиннадцатый тезис о Фейербахе у Маркса: в двадцатом столетии мы слишком быстро пытались изменить мир, пришло время заново его объяснить» (Zizek, 2020b: 116-117).

Поскольку тонущим в водовороте событий и новых волн пандемии надеждам на коммунизм, даже «катастрофический», сбыться уже не суждено, желание новых объяснений приводит Жижека к идее реабилитации идущей еще от Платона традиции «антилиберальных мыслителей “закрытого” общества» (Zizek, 2020b: 122): «Разве не становится ясно, что сегодня, когда упорно сопротивляющаяся пандемия сопровождается серией других значительных угроз, мы нуждаемся — хотя и в радикально противоположных целях — в том, что нацисты называли “*totale Mobilmachung*” (тотальной мобилизацией)» (Zizek, 2020b: 121)? Жижек призывает себе на помощь Фихте, теоретика «Замкнутого торгового государства», который, по его мнению, первым в политической мысли модерна поставил вопрос о примате политики над экономикой. Именно это, по мнению словенца, требуется в текущий момент для успешного противостояния вирусу. Эгоистической анархии неограниченного рыночного обмена, который представляется нам в виде объективно существующего естественного порядка, необходимо противопоставить реполитизацию экономики: «Хозяйственная жизнь должна контролироваться и регулироваться свободными решениями сообщества, а не доставаться слепым, хаотичным взаимодействиям рыночных сил» (Zizek, 2020b: 122, 123-124). Примечательно, что предлагаемый Фихте фактический тотальный контроль над жизнью граждан (раскритикованный еще его же современниками) не вызывает у Жижека особых вопросов: современные средства цифрового надзора это вполне позволяют. При этом словенец забывает сообщить, что появились эти средства именно благодаря тому самому капитализму, на который он, в ужасе перед вирусом, собрался накинуть ошейник. Здесь, однако, тоже не так все просто, ведь, как показывает практика, в сегодняшних обществах отсутствует не только общее определение эпидемии, но не наблюдается даже предпосылок возникновения консенсуса по этому поводу. То есть пандемия, болезнь, да и сам вирус тоже оказываются вопросами политики, попадая в точку пересечения различных противоречий и напряжений, детерминирующих современные общества: кризиса общественного здравоохранения, экологии, войн, голода, безработицы, гражданских конфликтов и т.д. Однако эта политизация болезни, накладываясь уже на кризис политического популизма с его господством нового, обшечного господства (подробно разобранный в приложении к книге), наталкивается на стремление игнорировать опасность, называемую Жижеком «волей к незнанию» (Zizek, 2020b: 140). Это доминирующая общественная реакция, хорошо всем знакомая по временам пандемии, состоящая из желания прежней «нормальности» в сочетании с высоким уровнем обобщенного недоверия к властям, медицине, науке и фармацевтике. Словенский философ называет это состояние «онтологической катастрофой», которую нельзя победить простой «волей к знанию» о том, как работает вирус, чтобы затем взять его под

контроль и ликвидировать, поскольку утрачена важная связь между различными регионами действия и знания. Это действительно похоже на правду: все мы помним, как с началом пандемии нам на голову обрушились противоречивые мнения и рекомендации бесчисленных экспертов разного уровня самозванства: медицинских начальников, микробиологов, статистиков и даже специалистов по обработке данных — благоприятная среда для того, чтобы отказаться от знания вообще. Таков, по мнению Жижека, стоящий перед нами выбор: или поддаться искушению воли к незнанию, или постараться действительно *мыслить* пандемию, не только как биохимическую проблему, но как нечто, укорененное в сложной тотальности, состоящей из нашего (человеческого) места в природе и наших социальных и идеологических отношений. Это второе весьма проблематично в силу разрушения того, что могло бы свести вместе языки науки, философии и политики, — символического универсума.

Символическое — третье измерение, набор правил, определяющих встречу Воображаемого с Реальным. Именно эти правила решают, как из этой встречи возникнет то, что мы называем «реальностью» в ее обыденном смысле. Распаду символического порядка посвящена третья книга, «Небеса в беспорядке». Название книги — парафраз известного высказывания Мао Цзэдуна: «В поднебесной царит великий беспорядок, ситуация превосходна». Однако, как указывает Жижек, есть одна существенная разница: «Мао говорит о беспорядке под *небесами*, где “небеса”, или Большой Другой в какой угодно его форме — неумолимой логики исторических процессов, законов общественного развития — тем не менее существует, тайно регулируя социальный хаос. Сегодня мы должны говорить о том, что *сами небеса* пребывают в беспорядке» (Zizek, 2021: 1). То есть речь идет не об обычном хаосе, которого достаточно и в «поднебесной» реальности: пандемия, войны, беспорядки и кризисы, а о распаде того самого Большого Другого, который вписывает это все в некий общий символический порядок, позволяющий объяснять происходящие события. И это не разделение, к примеру, надвое, на два порядка, как это было во времена холодной войны, а именно дезинтеграция символического измерения на множество не связанных друг с другом фрагментов, происходящая именно в то время, когда «глобальная солидарность и международное сотрудничество требуются в первую очередь» (Zizek, 2021: 2).

Книга, как и две предыдущие, также представляет собой набор написанных по случаю очерков. От собственно болезни здесь остается еще меньше, чем в «Пандемии 2». Здесь вирус играет двоякую роль: с одной стороны, это верный симптом распада прежнего порядка, с другой — его катализатор. Основная же проблема — это «двойной зажим», в который попало человечество в постпандемийной реальности. Он состоит из двух тупиков: из невозможности вернуться к прежней, «старой» норме, а также из неспособности увидеть (хотя бы отдаленно) какие-то контуры новой. Давая определение этой ситуации, Жижек цитирует высказывание Юргена Хабермаса, сделанное им по поводу пандемии: «Еще никогда не существовало столько знания о нашем незнании и о том, что мы вынужде-

ны жить и действовать в неопределенности»³. Затем он продолжает: «И он [Хабермас] был прав, утверждая, что это незнание, касается не только самой пандемии, в конце концов, у нас есть эксперты, но куда большего — ее экономических, социальных и психических последствий. Заметьте точность формулировки: мы не просто не знаем, что происходит, но мы *знаем*, что мы не знаем, и это незнание есть само по себе социальный факт, вписанный в то, как действуют наши институты. Мы знаем, что, скажем, в Средние века или в начале Нового времени люди знали меньше, но они не знали об этом потому, что опирались на некое устойчивое идеологическое основание, гарантировавшее им, что наш универсум представляет собой осмысленную целостность. То же самое верно и для некоторых версий коммунизма, и даже для идеи конца истории у Фукуямы — они все предполагали знание о том, куда движется история» (Zizek, 2021: 117). Сейчас, по мысли словенского философа, нет именно этого, а существующие альтернативы не выдерживают критики: новые правые популисты (Трамп, Ле Пен, Орбан и т. п.) представляют собой непосредственный продукт того самого постмодернизма, с которым собрались бороться; технократическая альтернатива в лице Байдена, Макрона и подобных им политиков полностью находится в идеологических координатах того самого неолиберального капиталистического консенсуса, который и довел ситуацию до ее сегодняшнего состояния (наивные рассуждения автора о том, что Байден все же «лучше» Трампа, потому что последний разрушает «этическую ткань» нашей жизни, а Байден — нет, читаются сегодня с особым интересом); левые опять разобщены по линии «реформа или революция», а предложения, раздающиеся по обе стороны этой линии, глубоко утопичны. Впрочем, и упоминавшиеся уже надежды самого автора на новый пандемийный «военный коммунизм», который возникнет просто под давлением катастрофических обстоятельств, также далеки от воплощения в отсутствие значимого числа носителей соответствующих реальных интересов.

Достаточно высокая диагностическая точность критики (впрочем, не всегда спасающая его от распространенных страхов) в сочетании с пониманием того, что выхода из катастрофы символического измерения не просматривается, закономерно ведет автора в теологическое пространство эсхатологических упований. Тема апокалипсиса регулярно всплывает в работах Жижека, начиная как минимум с книги 2010 года «Жизнь в последние времена»⁴, а в «Гегеле в подключенном мозге» вообще есть целое приложение, озаглавленное «Трактат о цифровом апо-

3. В этом высказывании Хабермаса слышится эхо его исторической дискуссии с Никласом Луманом о возможностях классической социальной теории и теории систем. Луман в частности говорит о «слепых пятнах» системы, неизбежно ограничивающих ее восприятие и возможности распознавания рисков. Таким «слепым пятном» может быть, к примеру, недавняя пандемия. См. например, об этом Harste G. (2021). The Habermas-Luhmann Debate. New York: Columbia University Press, p. 277.

Парадоксальным образом это сближает Лумана с лакановским психоанализом, где социальная реальность также невозможна без невидимых нами «слепых пятен», пусть даже мы и догадываемся об их существовании.

4. Zizek S. (2010). Living in the End of Times. London: Verso.

калипсисе»⁵. Поэтому нет ничего удивительного в том, что «апокалиптический тон» будет регулярно всплывать и в книгах о пандемии: то в виде уже упоминавшихся надежд на некое событие, которое перевернет все и откроет новое измерение смысла (умонастроение, очень сходное с таковым у русских интеллектуалов начала XX в.), то в виде страхов, что апокалипсис уже давно происходит (Žižek, 2021: 219) и, что самое ужасное, не обещает, согласно оригинальному значению греческого слова, никаких откровений.

С момента выхода последней книги трилогии уже прошло какое-то время, оно дало нам возможность проверить на практике уже упомянутую старую истину о том, что всадники Апокалипсиса не любят ездить в одиночестве. Что касается людей интеллектуального труда, да и не только их, пример Жижека достаточно убедительно показывает, как важно, живя «в конце времен», не стать частью медийной машины, которая, если перефразировать одного философа, питаясь то надеждой, то страхом, занимается масштабным производством суеверий, парализующих нашу способность мыслить и действовать.

Apocalypse as a Way of Life

Book Review: *Slavoj Žižek* (2020). *Pandemic! Covid-19 Shakes the World*. London, New York: OR Books; *Slavoj Žižek* (2020). *Pandemic! 2. Chronicles of a Time Lost*. London, New York: OR Books; *Slavoj Žižek* (2021). *Heaven in Disorder* London, New York: OR Books.

Maxim Fetisov

PhD (Phil.), Research Fellow Centre for Fundamental Sociology, National Research University — Higher School of Economics

Address: Myasnitskaya Str., 20, Moscow, Russian Federation 101000

E-mail: msfetisov@gmail.com

5. Жижек С. (2020). Гегель в подключенном мозге. СПб.: Скифия-принт.